

Остов евлашевской церкви выдержал время. После революции храм подвергся погрому, но колокола кто-то сумел спрятать. Возможно, и правда, что они покоятся в подполе одного из старых домов.

Зодчий
Алексей Евлашев

Петр Тимофеевич Евлашев, владелец одноименной деревни, которую он получил по Указу царствующих братьев Ивана и Петра Алексеевичей 29 июля 1693 г., в духовном завещании разделил свои владения между тремя сыновьями поровну. Среди наследников – старший сын Алексей. Придворный архитектор в правлении Елизаветы I и Екатерины II оставил заметный след в столичном зодчестве. Одним из памятников изящной архитектуры является подмосковная Ильинская церковь, построенная Алексеем Петровичем Евлашевым в 1736 году, входившим в когорту самых талантливых русских зодчих первой половины XVIII века.

Наш земляк был помощником знаменитого архитектора Растрелли при строительстве летнего Аннегоофа, и отличился не только в строительстве парков, скверов, фонтанов, он принимал участие в ряде строительных работ в Кремле.

Конь рыжий

С нашим краем также связана жизнь известного сегодня писателя-эмигранта, участника Белого движения Романа Борисовича Гуля, автора таких произведений, как «Ледяной дом», «Белые по Черному», «Азеф». Отец писателя – Борис Карлович Гуть – до революции владел имением в с. Конопать, куда в детские и юношеские годы часто

приезжал из Пензы с родителями Роман Гуль. О своих впечатлениях писатель рассказывает в автобиографическом романе «Конь рыжий», выдержка откуда приведена при описании событий, произошедших в селе Евлашево в 1917 году. «Мать рассказывала, как в Евлашеве убили Марию Владимировну Лукину. Ее убийство евлашевские крестьяне обсуждали на сходе, выступить мог свободно каждый. Против убийства выступил Никита Федорович Сбитнев, но большинство не захотело слушать кулака; на убийство мутил пришедший с фронта солдат Будкин. Но тогда несогласное с убийством меньшинство потребовало у общества приговор, что они в убийстве неучастники, и поднятием рук сход постановил: выдать приговор несогласным и убить старуху. И взяв колья, толпа двинулась во главе с Будкиным на усадьбу убивать старую барыню и ее дочь, которую все село с детства полуласково-полунасмешливо называло «цыпочкой».

Как друзья ни уговаривали М. В. Лукину в эти дни разгромов и самосудов бросить Евлашево, старуха наотрез отказалась: «Тут родилась, а если Бог судил, тут и умру»; и осталась в разваливающейся родовой усадьбе. Когда сельский сход голосовал за ее смерть, она ужинала с дочерью, но из парка вдруг в окно забарабанила чья-то темная рука; дочь подбежала, открыла форточку, на пол упал комок бумаги, на бумаге накарябано: «Бегите скорей, вас идут убивать», и от темного окна какой-то мальчонка кинулся бегом по сугробам. Но старуха успела добежать только до каретника; их учуяли бросившиеся за ними крестьянские собаки, а за собаками набежала и темная толпа с кольями. Марию Владимировну убили, вероятно, первым же ударом кола, с «цыпочкой» же случилось чудо.

Окровавленная, она очнулась на рассвете у каретника, когда ей облизывал лицо их ирландский сеттер; из последних сил девушка подползла к матери, но увидав, что мать мертва, поползла дальше из сожженной усадьбы; пес шел за ней, он и спас ее, когда она, не доползши до хутора Сбитневых, потеряла сознание; сеттер бросился к избе, скребся, лаял и вышедшие Сбитневы подобрали «цыпочку» и отвезли в Саранскую больницу.

Она рассказала, как «конопатские, евлашевские, смольковские» громили наше имение... За домом подожгли службы, ометы соломы, сена. Пленные немцы недоумевали, зачем же жгут? Лучше бы взяли и увезли к себе? Но этого им так никто и не мог объяснить. И скоро от отпылавшей усадьбы остался только чугунный локомотив на снежном бугре да пожарище головней.

...К вечеру к нам пришла Наталья Владимировна Лукина, «цыпочка». Голова забинтована, с трудом поворачивает шею. Рассказывая об убийстве матери, плакала и чему-то жалобно, страдальчески улыбалась. Но как это ни противоестественно, к убившим ее мать и недобившим ее мужикам она не чувствовала ненависти. Со слезами тихо говорила:

– Ну, звери, просто звери... А вот когда узнали, что я не убита, что я в больнице, ко мне из Евлашева стали приходиться бабы, жалели меня, плакали, приносили яйца, творог...

– Да это они испугались, что им за вас придется отвечать!

– Нет, что вы, перед кем же им теперь отвечать? Власти же нет. Нет, это, правда, они жалели меня, – и Наталья Владимировна плачет, поникая забинтованной головой».

В Евлашеве в стародавние времена жили казаки. Их в округе побаивались. Разгуляются молодцы, налетят на село, силой посадят на коней девушек и увозят их в леса развлекаться. Якобы, кто-то донес о деяниях казаков царице Екатерине II. Она повелела их переселить в степные края. Уже гораздо позже один житель Евлашево побывал в Оренбурге и встретил там потомка одного из тех казаков. Собственно, эту историю он и рассказал по воспоминаниям своих предков, выходцев из Евлашева.

Что любопытно, казаки, якобы, переселяясь в Оренбуржье, закопали где-то в окрестностях Евлашева винные запасы. Где этот склад, и был ли он на самом деле? – остается только гадать. Но вряд ли такое предание может родиться на пустом месте. Прочно укрепилась в памяти людей история с кладом последней помещицы села Марии Владимировны Лукиной. Якобы все семейное столовое серебро было надежно упрятано. Слухи о кладе до сих пор не дают покоя кладоискателям. Почти каждое лето они прочесывают окрестности металлоискателями в надежде обнаружить сокровища.